1984
От разработки языка программирования к созданию компьютера

Никлаус Вирт

Никлаус Вирт из Швейцарского государственного технологического института (ETH) был награжден премией Тьюринга в 1984 г. на ежегодной конференции Ассоциации, состоявшейся в Сан-Франциско в октябре. Это награждение стало признанием его выдающихся заслуг в области разработки ряда новейших языков программирования: Эйлер, Алгор-W, Модула и Паскаль. В частности, язык Паскаль приобрел особое значение в сфере образования и заложил базу для будущих исследований в области языков программирования, систем и архитектуры. Отличительными чертами разработанных Виртом языков являются простота, экономичность и высокое качество проработки деталей, что в конечном итоге приводит к языкам, система обозначений которых скорее является естественным продолжением алгоритмического образа мышления, а не чуждого ему формализма.

Талант Вирта как разработчика языков программирования дополняется писательским даром. В апрельском номере 1971 г. журнала Communications of the ACM Вирт поместил основополагающую работу по структурному программированию («Разработка программы методом поэтапного усовершенствования»), которая рекомендовала нисходящее, идущее сверху вниз, построение пограммы (т. е. последовательное уточнение кусков программы, пока она не окажется полностью проработанной). Полученный в результате элегантный и мощный метод описания представляет интерес и сегодня, даже несмотря на то, что восторги относительно структурного программирования поубавились. Две более поздние статьи «О дисциплине программирования в реальном времени» и «Что мы можем сделать с необязательным разнообразием обозначений», опубликованные в том же журнале соответственно в августе и ноябре 1974 г., говорят о последовательном и неотступном поиске Виртом адекватного языкового формализма.

Премия Тьюринга, являющаяся высшим признанием со стороны Ассоциации по информатике вклада в дело вычислительного сообщества, учреждена в честь английского математика

Алана М. Тьюринга, создавшего прототип компьютера — машину Тьюринга — и помогшего раскрыть шифры Германии во время второй мировой войны.

Вирт получил степень доктора философии в Калифорнийском университете в Беркли в 1963 г. и был приглашенным профессором в Станфордском университете до 1967 г. С 1968 г. он является профессором Швейцарского государственного политехнического института в Цюрихе; с 1982 по 1984 г. он возглавлял в этом же институте факультет информатики. Последняя работа Вирта связана с конструированием и разработкой персонального компьютера Лилит в сочетании с использованием языка Модула-2. В своей лекции Вирт кратко излагает историю своих основных проектов, описывает их результаты и формулирует принципы, которые направляли его работу.

Путь, пройденный Виртом в поиске приемлемого формализма системного программирования, начиная с NELIAC, через Алгол-60 к языкам Эйлер и Алгол-W, Паскаль, Модула-2 и, в конечном итоге, до Лилит, полон впечатляющих открытий и удивительных результатов.

Получить премию Тьюринга доставляет огромное удовольствие, а признание работы, которая проводилась в течение стольких лет, одновременно радует и вдохновляет. Я хочу поблагодарить ACM за присуждение мне этой престижной награды. Особое значение имеет то, что я получаю ею в Сан-Франциско, где началась моя профессиональная карьера.

Вскоре после того, как я узнал о присуждении премии, мое чувство радости было несколько омрачено необходимостью представить Тьюринговскую лекцию. У человека, являющегося прежде всего инженером, а не оратором или проповедником, эта обязанность вызывает заметное беспокойство. Главный среди возникающих вопросов — чего в первую очередь ждут люди от такой лекции? Одни хотят проникнуть в суть чьей-либо работы или услышать оценку ее важности или ожидаемого воздействия. Другие захотят услышать, как возникли идеи, лежащие в ее основе. Третьи ждут авторитетного мнения относительно будущих тенденций, событий и товарных продуктов. Кто-то надеется услышать откровенную оценку современного положения дел: восторги, вызванные впечатляющим прогрессом нашей науки, или же сетования на негативные побочные эффекты и преувеличения.

В нерешительности я просмотрел некоторые из предыдущих Тьюринговских лекций и пришел к выводу, что лаконичное сообщение об истории какой-либо работы будет наиболее приемлемым. Чтобы это не было всего лишь развлечением, я попытался подытожить все то, чему, как я считаю, мне удалось научиться за прошедшие годы. Откровенно говоря, этот выбор вполне устраивает меня, поскольку я ни в коей мере не претен-

дую на то, что знаю о будущем больше, чем большинство присутствующих, и к тому же совершенно не хочу оказаться впоследствии неправым. В то же время искусство читать проповеди о нынешних достижениях и прогрешениях отнюдь не является моим коньком. Это не означает, что я равнодушно наблюдаю происходящее в области информатики, в частности, шумную борьбу с коммерциализацией.

Конечно, когда в 1960 г. я вступил в область информатики, ей не уделялось столь большого внимания ни в коммерческой рекламе, ни в академических учебных планах. Во время моего обучения в Швейцарском государственном технологическом институте единственное упоминание о компьютерах, которое я услышал, прозвучало в факультативном курсе, читавшемся Амброзом Спайзером, ставшим позднее президентом Международной федерации по обработке информации (IFIP). Разработанный им компьютер ERMETH был малодоступен обычным студентам, и поэтому мое посвящение в информатику оказалось отложенным до того момента, как я прослушал курс численного анализа в Лавальском университете в Канаде. Но, увы, компьютер «Алвак-IIIE» большую часть времени был неисправен, и упражнения по программированию так и остались на бумаге в виде непроверенных последовательностей шестнадцатеричных кодов.

Моя следующая попытка оказалась несколько более удачной: в Беркли я столкнулся с любимцем Гарри Хаски — компьютером «Бендиск G-15». Хотя этот компьютер позволил ощутить что-то вроде успеха, поскольку на нем удавалось получать результаты, суть искусства программирования представала как удачное размещение команд на барабане. Если вы пренебрегали этим искусством, то ваши программы вполне могли работать раз в 100 медленнее. Однако его учебная ценность была налицо: вы не могли позволить себе игнорировать самую незначительную из мелких деталей. Такого простого способа компенсировать недостатки программы, как приобретение дополнительной памяти, не существовало. Теперь вспоминается как самая притягательная черта, что каждая деталь машины была видна и ее назначение можно было понять. Ничего не было скрыто в сложной электронной схеме, кристаллах кремния или в загадочной операционной системе.

С другой стороны было очевидно, что программирование будущих компьютеров должно быть более эффективным. Поэтому я отказался от идеи изучить вначале, как проектировать аппаратную часть, в пользу того, чтобы научиться более элегантно ее использовать. Мне повезло, что я присоединился к группе, участвовавшей в разработке — или, скорее, в доработке — компилятора и в его использовании на IBM-704. Этот язык

был назван NELIAC — диалект языка Алгол-58. Преимущества такого «языка» быстро стали очевидны, а задача автоматической трансляции программ в машинный код ставила трудные вопросы. Это была как раз та ситуация, к которой стремятся при подготовке докторской диссертации. Компилятор, который тоже был написан на языке NELIAC, представлял собой нечто чрезвычайно запутанное. Казалось, что он состоит на 1% из науки, а на 99% — из колдовства. Этот перекос и предстояло ликвидировать. Ясно, что программы должны строиться в соответствии с теми же принципами, что и электронные схемы, четко разбивающиеся на блоки, границы которых пересекают всего несколько проводов. Только поняв, как действует каждая часть в отдельности, можно надеяться в конце концов понять, как действует целое.

Благодаря официальному Сообщению об Алголе-60 эта попытка получила сильный начальный импульс. Алгол-60 стал четко определенным языком, а его синтаксис даже определялся с помощью строгого формализма. Урок заключался в том, что ясное определение является необходимым, но недостаточным условием надежной и эффективной реализации. Контакт с Адрианом ван Вейнгаарденом — одним из разработчиков Алгола — позволил яснее выявить центральную тему: можно ли в еще большей степени сконцентрировать и выкристаллизовать принципы Алгола?

Вот так начались мои приключения в области языков программирования, напоминавшие путешествие с мачете сквозь джунгли особенностей и возможностей языка. Первый эксперимент привел к диссертации и языку Эйлер. Результат оказался академически элегантным, но имел весьма малую практическую ценность — он был почти антитезой более поздним языкам с типами данных и языкам структурного программирования. Но он действительно заложил фундамент систематической разработки компиляторов, позволявших без потери ясности — по крайней мере такова была надежда — расширять их, чтобы включать новые возможности.

Язык Эйлер привлек внимание Рабочей группы Международной федерации по обработке информации, участвовавшей в составлении планов относительно будущего Алгола. Язык Алгол-60, созданный специалистами в области численных методов для своих целей, обладал систематической структурой и четким определением, что было оценено людьми с математической подготовкой. Однако ему не хватало компиляторов и поддержки со стороны промышленности. Чтобы завоевать эту поддержку, необходимо было расширить сферу его применения. Рабочая группа взяла на себя задачу предложить преемника этого языка и вскоре распалась на два лагеря. Один состоял

из честолюбцев, желавших заложить еще один краеугольный камень в разработку языков, а по другую сторону находились те, кто чувствовал, что время торопит и что должным образом расширенный Алгол-60 может оказаться продуктивным. Я находился в этом втором лагере и выдвинул предложение, которое не нашло у группы достаточной поддержки. Впоследствии это предложение было улучшено с помощью Тони Хоара (члена той же группы) и реализовано на первой IBM-360 Стэнфордского университета. Позже этот язык стал известен под названием Алгол-W и использовался в нескольких университетах в учебных целях.

Стоит упомянуть и небольшую паузу в этой масштабной разработке. Новая IBM-360 предлагала только ассемблер и, естественно, Фортран. Ни то, ни другое ни у меня, ни у моих студентов не вызывало особой симпатии как инструмент для создания компилятора. Поэтому я набрался храбрости ввести еще один новый язык, на котором мог бы быть описан компилятор Алгола: некий компромисс между Алголом и возможностями, предоставляемыми ассемблером, он должен был служить машинным языком, структура операторов и описание команд которого напоминают Алгол. Примечательно, что описание языка было подготовлено за пару недель; я написал кросскомпилятор для компьютера «Барроуз B-5000» за четыре месяца, а один прилежный студент примерно за такой же отрезок времени переписал его для IBM-360. Эта подготовительная пауза помогла существенно ускорить работу с Алголом. Хотя первоначально считалось, что новый язык будет использоваться только для наших насущных нужд и потом будет забыт, он быстро приобрел собственное значение. Язык PL360 стал эффективным инструментом во многих областях и вдохновил на осуществление аналогичных разработок для других машин.

По иронии успех PL360 вместе с тем являлся указанием на неудачу языка Алгол-W. Диапазон применений Алгола был расширен, но в качестве инструмента для системного программирования он все еще обладал явными недостатками. Трудно, как мы убедились, удовлетворить сразу многим требованиям с помощью одного языка, да и сама цель оказалась под вопросом. Язык PL/I, созданный приблизительно в это же время, предоставил дополнительные доказательства в пользу этой точки зрения. Идея, использованная в швейцарском армейском ноже, обладает рядом достоинств, но если с ней переборщить, то этот нож превратится в обузу. К тому же размер компилятора для языка Алгол-W вышел за рамки, в которых можно чувствовать себя уютно благодаря возможности понять всю программу в целом. Стремление к еще более четкому и в то же время адекватному формализму для системного программирова-

ния оказалось нереализованным. Для системного программирования необходим эффективный компилятор, генерирующий эффективный код, который работает без фиксированного, «запакованного» и большого пакета программ так называемого времени прогона. Достичь этого не удалось ни на Алголе, ни на PL/I, поскольку оба языка были сложными, а компьютеры, для которых они писались, для них не подходили.

Осенью 1967 г. я вернулся в Швейцарию. Еще через год я смог создать группу из трех помощников для внедрения языка, ставшего позднее известным как Паскаль. Избавленный от необходимости получить единогласную поддержку Комитета, я смог сосредоточить основное внимание на том, чтобы включить те характеристики, которые счел существенными, и выбросить те, которые, на мой взгляд, не окупали усилий по их реализации. В некоторых ситуациях жестко ограниченное число сотрудников является преимуществом.

Утверждалось, что Паскаль был разработан в качестве языка для обучения. Хотя это утверждение справедливо, но его использование при обучении не являлось единственной целью. На самом деле я не верю в успешность применения во время обучения таких инструментов и формализмов, которые нельзя использовать при решении каких-то практических задач. По сегодняшним меркам Паскаль обладал явными недостатками при программировании больших систем, но 15 лет назад он представлял собой разумный компромисс между тем, что было желательно, и тем, что было эффективно. В Швейцарском государственном политехническом институте мы начали использовать Паскаль на занятиях по программированию в 1972 г., встретив при этом серьезное сопротивление. Этот шаг оказался успешным, поскольку он позволил преподавателям уделять больше внимания конструкциям и концепциям, а не отдельным особенностям и характеристикам, т. е. принципам, а не технике.

Наш первый компилятор Паскаля был реализован на семействе компьютеров CDC-6000 и написан на Паскале. Никакого PL6000 не потребовалось, и я рассматривал это как существенный шаг вперед. Тем не менее генерируемый код был, без сомнения, хуже кода, генерируемого компиляторами Фортрана для соответствующих программ. Скорость является важным и легко поддающимся количественной оценке критерием, и мы считаем, что обоснованность концепции языка высокого уровня может быть воспринята промышленностью только в том случае, если потери эффективности скомпилированных кодов будут устранены полностью или по крайней мере сведены к минимуму. С учетом этого следующим шагом, причем предпринятым одним человеком, стала попытка создать высококачественный компилятор. Эта цель была достигнута в 1974 г. Урсом

Амманном, и компилятор впоследствии получил широкое распространение и продолжает использоваться сегодня многими университетами и промышленностью. И все же цена оставалась высокой; усилия по генерации хорошего (т. е. даже не оптимального) кода пропорциональны несоответствию языка машине, а CDC-6000, конечно, не была спроектирована с расчетом на языки высокого уровня.

И опять главный выигрыш проявился там, где мы его меньше всего ожидали. После того, как стало известно о существовании Паскаля, несколько человек попросили нас помочь в реализации Паскаля на различных машинах, подчеркивая, что они намерены использовать его для обучения, и быстродействие не имеет первостепенного значения. После этого мы решили создать версию компилятора, которая генерировала бы код для машины нашей собственной конструкции. Позднее этот код стал известен как P-код. Создать эту версию компилятора было очень легко, поскольку новый компилятор создавался в качестве важного эксперимента в области структурного программирования путем последовательного уточнения и потому первые несколько шагов уточнений могут приниматься без изменений. Паскаль-P оказался исключительно удачным для распространения языка среди большого числа пользователей. Если бы у нас хватило мудрости предвидеть масштабы такого развития событий, то мы приложили бы больше усилий и тщательности при разработке и документировании P-кода. А тогда это представляло собой побочную деятельность, осуществляющуюся только для того, чтобы удовлетворить запросы одним сосредоточенным усилием. Это показывает, что даже с наилучшими намерениями можно выбрать неверные цели.

Но подлинно широкое признание Паскаль получил только после того, как Кен Боулес в Сан-Диего обнаружил, что P-система с успехом может быть реализована на новых микрокомпьютерах. Его усилия по разработке подходящей среды с интегрированным компилятором, формирователем файла, редактором и отладчиком привели к прорыву: Паскаль стал доступен тысячам пользователей новых компьютеров. Эти пользователи не были обременены ранее приобретенными привычками, и их не душила необходимость сохранять совместимость со старым программным обеспечением.

В это же время я закончил работу над Паскалем и решил заняться изучением нового заманчивого предмета — мультипрограммирования, для которого Хоар уже заложил солидный фундамент, а Бринк Хансен с помощью своего *Параллельного Паскаля* наметил путь. Попытка задать конкретные правила дисциплины мультипрограммирования быстро заставила меня сформулировать их в терминах небольшого набора средств

программирования. Чтобы подвергнуть эти правила настоящей проверке, я встроил их во фрагментированный язык, название которого отражало модульный принцип организации комплексов программ — мою основную цель. Позднее эта модульность оказалась основным достоинством данного языка: она позволила придать абстрактной концепции сокрытия информации конкретную форму и воплотила метод, одинаково важный как для обычного программирования, так и для мультипрограммирования. Кроме того, язык *Модула* также содержал средства для описания параллельных процессов и их синхронизации.

К 1976 г. мне уже надоели и языки программирования, и угнетающая обязанность писать хорошие компиляторы для существующих компьютеров, разработанных для устаревшего «ручного» кодирования. К счастью, мне представилась возможность провести годичный отпуск, предназначенный для научной работы, в исследовательской лаборатории корпорации «Ксерокс» в Пало-Альто, где не только родилась, но и нашла свое практическое воплощение идея мощных персональных рабочих станций. Вместо того, чтобы делить с многочисленными пользователями один большой компьютер и сражаться за свою долю, используя кабель с 3-килогерцевой полосой, я теперь через 15-мегагерцевый канал пользовался своим собственным компьютером, находившимся под моим рабочим столом. Последствия увеличения в 5000 раз предвидеть невозможно, слишком оно велико. Самым приятным было то, что после 16 лет работы на компьютеры теперь, похоже, компьютер работал на меня. Впервые я вместо того, чтобы намечать планы создания новых языков компиляторов и программ, которыми будут пользоваться другие, обрабатывал свою ежедневную почту и готовил доклад с помощью компьютера. Другим открытием стало то, что на такой рабочей станции можно было реализовать компилятор для языка *Меза* (MESA), сложность которого значительно превышала сложность компилятора для Паскаля. Эти новые условия работы на столько порядков превосходили все то, с чем я сталкивался дома, что я решил попытаться создать такие условия и там.

В конечном итоге я решил углубиться в разработку аппаратной части. Это решение подкреплялось моей давней неприязнью к существующим архитектурам компьютеров, которые отравляют жизнь разработчикам компиляторов, склонным к систематической простоте. Идея целиком разработать и построить компьютерную систему, состоящую из аппаратной части, микрокода, компилятора, операционной системы и программных средств, быстро обрела в моем воображении конкретные очертания конструкции, которая была бы свободна от любых ограничений вроде совместимости с PDP-11 или IBM-360, или

Фортраном, Паскалем, Юниксом и какими бы там еще ни было сиюминутными увлечениями или стандартами Комитета.

Однако для успешной реализации технического проекта одного чувства освобождения недостаточно. Упорная работа, уверенность, тонкое чувство того, что является важным, а что — эфемерно, а также некоторое везение необходимы. Первой удачей стал телефонный звонок одного разработчика аппаратной части, интересовавшегося возможностью приехать в наш университет для обучения в области разработки программного обеспечения и получения степени доктора философии. Почему бы не поучить его разработке программного обеспечения, чтобы он поучил нас, как разрабатывать аппаратное обеспечение? Вскоре мы превратились в одну команду, а Ричард Охрэн так заинтересовался новым проектом, что практически полностью забыл как о программном обеспечении, так и о докторской степени. Это не слишком сильно встревожило меня, поскольку я был достаточно занят конструированием частей аппаратного обеспечения, спецификациями микро- и макропрограмм, программированием интерпретатора макропрограмм, планированием полной системы программного обеспечения и, в частности, программированием редактора текста и графического редактора, которые оба использовали новый графический дисплей с высоким разрешением и маленькое чудо под названием «мышь» в качестве координатно-указательного устройства. Этот опыт написания сильно интерактивных сервисных программ потребовал изучения и использования методов, совершенно чуждых обычному проектированию компиляторов и операционных систем.

В целом проект был столь разносторонним и сложным, что приниматься за него казалось безответственным, особенно учитывая, что число наших помощников, лишь часть своего рабочего времени отводивших этой разработке, было невелико — около 7 человек. Основная угроза заключалась в том, что продолжительность этой работы могла оказаться слишком большой, чтобы энтузиазм сохранился у нас двоих и позволил остальным, еще не испытавшим на себе огромных возможностей рабочей станции, стать такими же энтузиастами. Чтобы проект не превысил разумных размеров, я остановился на трех догмах: он предназначен для *однопроцессорного* компьютера, используемого *одним пользователем* и программируемого на *одном языке*. Заметим, что эти краеугольные положения были диаметрально противоположны существовавшим тенденциям, направленным на исследования по мультипроцессорным конфигурациям, операционным системам с разделением времени для большого числа пользователей и для такого числа языков, какое удастся найти.

Ограничившись одним языком, я столкнулся с трудным выбором, который мог иметь самые серьезные последствия, а именно с выбором языка. Из существующих языков ни один не выглядел привлекательным. Они не могли удовлетворить всем требованиям, и к тому же ни в коей мере не устраивали разработчика компилятора, который знает, что задание должно быть выполнено в разумные сроки. В частности, язык должен был удовлетворять всем нашим положениям в отношении структурного программирования, основанным на десятилетнем опыте работы с Паскалем, и быть пригодным для тех задач, которые прежде решались исключительно при кодировании на ассамблере. Короче говоря, было решено создать потомка сразу двух языков: как уже апробированного Паскаля, так и экспериментального языка Модула; им стал язык *Модула-2*. Модульность — решающее свойство, позволяющее сочетать противоречивые требования: обеспечение надежности абстракции высокого уровня через проверку на избыточность и наличие средств низкого уровня, обеспечивающих доступ к индивидуальным конструктивным особенностям конкретного компьютера. Это позволяет программисту обособить использование средств низкого уровня в несколько небольших частей системы, защищаясь таким образом от непредвиденных осложнений.

Проект *Лилит* доказал, что разработка одноязыковой системы не только возможна, но и обладает рядом преимуществ. Буквально всё, начиная с драйверов для устройств и кончая графическим редактором и редактором текста, пишется на одном и том же языке. Никак не отличается подход к модулям, относящимся к операционной системе, и к модулям программы пользователя. Фактически это различие почти пропадает, и вместе с ним мы избавляемся от неизменного громоздкого резидентного блока программы, без которого всякий рад обойтись, но все вынуждены его использовать. Кроме того, проект Лилит доказал преимущества хорошей сочетаемости программного и аппаратного обеспечения. Эти преимущества можно оценить в терминах быстродействия: сравнение времен выполнения программ, написанных на Модуле, показало, что система Лилит часто предпочтительней, чем система VAX-750, сложность и стоимость которой многократно превышает сложность и стоимость проекта Лилит. Эти преимущества можно также оценить в терминах требуемого объема памяти: машинные коды программ, написанных на Модуле для Лилит, в 2—3 раза короче, чем для PDP-11, VAX или 68000, и в 1,5—2 раза короче, чем для NS-32000. Кроме того, части компилятора, генерирующие код, для этих микропроцессоров значительно запутаннее, чем аналогичные элементы системы Лилит, из-за неудачного набора команд. Этот фактор длины кода надо умно-

жить на низкий коэффициент плотности, который омрачает сильно разрекламированную пригодность языка высокого уровня для современных микропроцессоров и показывает, что эти претензии несколько преувеличены. Перспектива, что такие устройства будут выпущены миллионными сериями, весьма удручает, поскольку благодаря одному их количеству они станут стандартной элементной базой. К сожалению, технология полупроводников развивалась столь быстро, что достижения в области компьютерной архитектуры оказались в тени и кажутся не столь важными. Конкуренция заставляет производителей «замораживать» новые разработки в виде серийно выпускаемых микросхем задолго до того, как они доказали свою эффективность. И в то время как громоздкое программное обеспечение может быть в худшем случае модифицировано, а в лучшем случае заменено, сегодня вся сложность спустилась непосредственно на уровень микросхем. Маловероятно, что мы лучше справляемся с вопросами сложности на уровне аппаратного обеспечения, чем на уровне программного.

И среди программистов, и среди инженеров-электронщиков найдется немало людей, для которых сложность есть и будет сильным притягательным моментом. Действительно, мы живем в сложном мире и стараемся решать сложные по своей сути проблемы, которые часто для своего решения требуют сложных устройств. Однако это не значит, что мы не должны стремиться найти *элегантные* решения, убеждающие своей ясностью и эффективностью. Простые элегантные решения более эффективны, но найти их *труднее,* чем сложные, и для этого требуется больше времени. Слишком часто мы считаем, что мы не можем себе позволить таких затрат.

Прежде чем закончить, я попытаюсь выделить некоторые общие характеристики упомянутых мною проектов. Очень важный метод, который редко используется столь же эффективно, как при вычислениях, это *раскрутка.* Мы использовали его почти в каждом проекте. При разработке любой системы, будь то язык программирования, компилятор или компьютер, я проектирую ее таким образом, чтобы она была полезной уже непосредственно на следующем этапе: PL360 был разработан для реализации Алгола-W, Паскаль — для реализации Паскаля, Модула-2 для реализации программного обеспечения целой рабочей станции, Лилит — для обеспечения подходящей среды для всех наших будущих работ, начиная от написания программ и до документирования и разработки схемы, от подготовки отчета до проектирования шрифтов. С помощью раскрутки можно извлечь максимальную выгоду из затраченных усилий, но и сильнее всего пострадать от совершенных ошибок.

Все это вынуждает на *раннем этапе различать, что существенно, а что второстепенно.* Я всегда пытался выделить существенные моменты, которые дадут несомненные преимущества, и сосредоточиться на них. Например, включение в язык программирования четкой и согласованной схемы объявления типа данных я считал существенным, в то время как все мелочи, относящиеся к разнообразию циклов, или вопрос о том, должен ли компилятор различать прописные и строчные буквы, являлись для меня второстепенными. При проектировании компьютера я считал решающим выбор режимов адресации и обеспечения полными и согласованными наборами арифметических операций (со знаками или без знака), включающих прерывания по переполнению, а детали механизма приоритета прерываний при многоканальной системе — второстепенными. Еще важнее гарантия того, что решение второстепенных вопросов никогда не нарушит систематическое структурированное проектирование центральных устройств. Вместо этого второстепенные моменты должны подгоняться под существующую хорошо структурированную основу.

Иногда трудно устоять против настойчивых требований пользователей включить все типы средств, которые «хорошо было бы иметь». Опасность состоит в том, что стремление угодить чьему-то желанию нарушит согласованность всего проекта. Я всегда пытался сбалансировать выгоду и затраты. Например, размышляя, не включить ли некую языковую конструкцию или специальную обработку в компиляторе какой-то достаточно часто используемой конструкции, следует оценить выгоды и дополнительные расходы при реализации, поскольку одно только ее наличие сделает систему более громоздкой. Разработчики языка часто недооценивают этот момент. Я с готовностью допускаю, что временами было бы хорошо иметь некоторые возможности языка Ада, которые не имеют аналогов в Модуле-2, но в то же время я спрашиваю, стоят ли они таких затрат. Цена значительна. Во-первых, хотя создание обоих языков началось в 1977 г., компиляторы языка Ада начали появляться только сейчас, в то время как Модулой мы уже пользуемся с 1979 г. Во-вторых, ходят слухи, что компиляторы Ады — это гигантские программы, состоящие из нескольких сотен тысяч строк команд, в то время как наш новейший компилятор Модулы измеряется лишь 5 тысячами строк. Признаюсь по секрету, что этот компилятор Модулы уже находится на пределе того уровня сложности, который еще можно понять, и я чувствую себя совершенно неспособным создать хороший компилятор для Ады. Но даже если пренебречь затратами труда по созданию излишне больших систем и стоимостью памяти для хранения их кода, то настоящие затраты скрыты в невиди-

мых усилиях бесчисленных программистов, безуспешно пытающихся понять эти программы и эффективно их использовать.

Другой общей характеристикой упомянутых мною проектов был *выбор инструментария.* По моему мнению, инструментарий должен быть соизмерим с изделием; он должен быть по возможности прост, но не проще того. На деле выбор инструментария может привести к обратным результатам, когда большая часть всего проекта заключается в изготовлении этого инструментария. В проектах Эйлер, Алгол-W и PL360 большое внимание уделялось разработке табличных методов синтаксического анализа «снизу вверх». Позднее я снова вернулся к простому методу рекурсивного спуска «сверху вниз», который безусловно более понятен и при продуманно выбранном синтаксисе достаточно мощен. При разработке аппаратного обеспечения Лилит мы пользовались лишь хорошим осциллографом, и только изредка у нас возникала необходимость в логическом анализаторе. Это было возможно благодаря относительно систематизированной, свободной от искусственных ухищрений концепции процессора.

Каждый отдельно взятый проект прежде всего являлся *обучающим экспериментом.* Лучше всего учиться, изобретая что-либо. Только непосредственно в *процессе разработки* проекта я смог в достаточной мере познакомиться с внутренне присущими ему трудностями и приобрести уверенность в том, что с деталями можно совладать. Я никогда не мог отделить друг от друга процессы проектирования и реализации языка, ибо стремление жестко определить язык, пренебрегая обратной связью с конструированием его компилятора, кажется мне самонадеянным и непрофессиональным. Поэтому я принимал участие в создании компиляторов, в схемотехнике, в разработке текстовых и графических редакторов, и, как следствие, в микропрограммировании, в системном программировании на языках высокого уровня, занимался расчетом схем, компоновкой плат и даже связыванием проводов в жгуты. Это может показаться странным, но я просто люблю делать практическую работу собственными руками значительно больше, чем руководить группой. Кроме того, я понял, что исследователи более охотно признают руководителей, непосредственно входящих в рабочую группу, чем специалистов по организации труда, будь то управляющий в промышленности или профессор университета. Я стараюсь не забывать, что обучение на хороших примерах часто является самым эффективным, а иногда и единственно возможным методом. И, наконец, каждый из этих проектов был осуществлен благодаря энтузиазму и желанию преуспеть; все сотрудники знали, что они занимаются стоящим делом. Это, возможно, самое необходимое, но также и наиболее труднодостижимое

условие успеха. Я был счастлив иметь сотрудников, которые позволили себе увлечься проектом, и я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы поблагодарить их всех за существенный вклад, который они внесли в нашу работу. Я признателен всем, кто так или иначе участвовал в разработках: непосредственно в нашей группе или же помогая нам, тем, кто проверял наши результаты и сообщал о своих впечатлениях, подавал новые идеи, критикуя или одобряя нашу работу, тем, кто создавал общества пользователей. Без них ни Алгол-W, ни Паскаль, ни Модула-2, ни Лилит не стали бы тем, чем они являются сейчас. Эта премия Тьюринга высоко оценивает также и их вклад.